

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В. И. Телятников

**УБЕЖДЕНИЕ
СУДЬИ**

Судебная практика

Владимир Телятников

Убеждение судьи

«Юридический центр»

2004

ББК 67.410

Телятников В. И.

Убеждение судьи / В. И. Телятников — «Юридический центр»,
2004 — (Судебная практика)

В работе исследуются методологические и теоретические основы деятельности судьи в процессе осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам. Раскрывается правовое содержание понятия внутреннего убеждения судьи. Рассматриваются вопросы соотношения данного понятия и производимой на его основе оценки доказательств. Исследуются этические проблемы формирования убеждения судьи. Книга будет полезна судьям, адвокатам, а также широкому кругу юристов.

ББК 67.410

© Телятников В. И., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	6
Глава 1	13
1.1. История возникновения и развития понятия «внутреннее убеждение судьи»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Иванович Телятников

Убеждение судьи

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER

Judicial Practice

V. I. Telyatnikov

JUDGE'S CONVICTION

Saint Petersburg

R. Aslanov Publishing House

“Yuridichesky Center Press”

2004

Редакционная коллегия серии «Судебная практика»

Р. М. Асланов (отв. ред.), П. А. Лаптев (отв. ред.), Ю. Ю. Берестнев, В. М. Волженкина, С. А. Ворожцов, Г. А. Гаджиев, И. В. Елисеев, В. Н. Епифанова, С. М. Казанцев, А. И. Ковлер, Л. О. Красавчикова, В. Ф. Попондопуло, М. де Сальвиа, А. П. Сергеев, В. И. Телятников

Editorial Board of the Series “Judicial Practice”

IP. M. Aslanov | (managing editor), P A. Laptev (managing editor), Yu. Yu. Berestnev, V. M. Volzhenkina, S. A. Vorozhtsov, G A. Gadzhiev, I. V. Eliseev, V. N. Epifanova, S. M. Kazantsev, A. I. Kovler, L. O. Krasavchikova, V. F. Popondopoulo, M. de Salvia, A. P. Sergeev, V. I. Telyatnikov

The work deals with methodological and theoretical fundamental principles of judge's activity in the process of administration of justice in criminal and civil cases, expounds legal content of the concept of inner conviction of a judge, deals with the issues of correlation of the concept in question and evaluation of evidence made on its basis, examines ethic problems of the formation of judges conviction.

The book will be useful for judges, attorneys, and a wide circle of lawyers.

© V I. Telyatnikov, 2004

© R. Aslanov Publishing House “Yuridichesky Center Press”, 2004

Введение

Конституция Российской Федерации в главе 7, посвященной судебной власти, провозглашает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Конституция закладывает ряд конституционных принципов формирования судебной системы и осуществления судебной власти. Она разделяет государственную власть на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Разделение власти гарантирует, что при возникновении в одной из ветвей власти явлений, противоречащих Конституции и искажающих общественные отношения, вмешательство других ветвей власти устранил отрицательные явления.

В соответствии с Конституцией РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судьи – носители судебной власти. Принцип независимости судебной власти и судей является основополагающим конституционным принципом. Без независимости судебная власть не сможет выполнить свою основную функцию в форме правосудия и обеспечить защиту прав, свобод и интересов граждан.

Для обеспечения защиты граждан суд должен применить закон в строгом соответствии с Конституцией, для чего необходимо беспристрастно установить фактический состав правоотношений, определить закон, подлежащий применению, и правильно применить закон в соответствии с целями, установленными Конституцией, и интересами граждан, подлежащими защите.

Независимость судьи гарантируется предусмотренной процедурой осуществления правосудия, специальным порядком назначения судей, запретом под угрозой ответственности вмешиваться в деятельность судей, специальным порядком прекращения полномочий судей, правом судьи на отставку, неприкосновенностью судьи, созданием органов судейского сообщества, стабильным социальным и материальным обеспечением судьи согласно его высокому статусу.

Финансирование судов производится только из федерального бюджета, что также является важнейшей гарантией независимости и беспристрастности судей.

Судопроизводство осуществляется на началах равенства сторон и состязательности; в случаях, предусмотренных законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

Конституционные принципы правосудия нашли развитие в Федеральном Конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», Законе Российской Федерации «О статусе судей в РФ», Федеральных законах «Об органах судейского сообщества в РФ», «О мировых судьях в Российской Федерации», «О судебном департаменте при Верховном суде Российской Федерации».

История развития, становления судебной власти в Российской Федерации и проблемы ее функционирования стали предметом рассмотрения в научных и популярных работах. К проблемам судебной власти обращаются философы, политологи, социологи, психологи, юристы. В комплексных исследованиях разрабатываются проблемы управления судебной системой в условиях реального действия принципа независимости судей. Судейское сообщество принимает активное участие в научной разработке проблем судебной власти и практической деятельности по реализации принимаемых законов, что обеспечивает высокий уровень соответствия научных знаний реальным общественным отношениям в сфере правосудия.

Следует отметить, что в структуре права действуют два вида норм – материальные и процессуальные.

Нормы материального права обеспечивают возникновение, развитие и прекращение правоотношений.

Процессуальные нормы определяют механизм правоприменения в случае отклонения от установленного правом порядка реализации материальных норм права. Само по себе провозглашение прав человека и его свобод высшей ценностью не свидетельствует о реальном обеспечении их защиты правовой системой страны.

Развитие прав и свобод человека и их правовой защиты никогда не проходило гладко, без борьбы. Отмена крепостного права в России в 1861 г. вызвала к жизни судебную реформу. Однако Судебные уставы 1864 г. и судебная реформа встретили в России серьезное противодействие со стороны отдельных слоев общества и власти. Вместе с тем независимо от имевшей место в дореволюционной процессуальной литературе идеализации Судебных уставов необходимо подчеркнуть главный принцип, внесенный пореформенным судом в социальную жизнь общества, – принцип равенства перед законом и судом. Законодатель отказался от формальной теории доказательств и ввел в процесс принцип состязательности и принцип свободной оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи. Была провозглашена независимость судьи и суда, несменяемость судей. Появился институт мировых судей.

Вместе с тем суд присяжных не был введен на всей территории Российской империи. Введение суда присяжных по делам, связанным с государственными преступлениями, было признано неэффективным. Указы от 9 августа 1878 г. и 8 апреля 1879 г. дела о государственных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления отнесли к подсудности военно-окружных или временных военных судов, создаваемых каждый раз по указанию генерал-губернаторов и штаб-офицеров в данном округе войск. Процесс ограничения судопроизводства по Уставам 1864 г. получил название контрреформы, когда законодательные акты основывались на критике новых правил судопроизводства.

Созданные в ходе судебной реформы 1864 г. суды действовали до 1917 г., когда Декрет о суде № 1 постановил упразднить существующие общие судебные установления, которые заменялись судами, образуемыми на основании демократических выборов. Уничтожалась судебная система, изгонялись старые кадры юристов, поскольку суд должен был действовать на основе революционного правосознания.

В новых условиях отрицалась концепция разделения властей и независимой самостоятельной судебной власти. После октября 1917 г. возникла конструкция государственной власти, которой была присуща диктатура единовластия общественных интересов, поглощающих права личности. Принцип публичности в деятельности суда стал основополагающим и приоритетным перед частными интересами граждан, которые подчинялись общественным, а последние охранялись уголовным правом. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, став одним из основных принципов судопроизводства, обеспечили высокую эффективность мер как уголовно-правового принуждения, так и вмешательства государства в частную жизнь граждан в сфере гражданского судопроизводства, поскольку полностью распространялись и на стадию рассмотрения дела судом, который был включен в единую систему государственной власти. Более того, в рассматриваемый период суд представлял собой один из органов власти, выполняющий функцию подавления сопротивления незначительного меньшинства населения, связанного с институтом частной собственности, который по принятой доктрине государственного строительства порождал эксплуатацию человека человеком.

Отрицалось старое право и провозглашалось создание нового, социалистического права, на что и была направлена последующая деятельность правовой науки, достигшей серьезных успехов в раскрытии закономерностей развития правовой системы страны и разработке правовых средств достижения поставленных целей в сфере общественной и экономической жизни.

Вместе с тем необходимо отметить, что государственная система, получившая название административно-командной, обеспечивалась правом, основанным на его материалистическом понимании, когда публичное право полностью поглощало право в сфере частных интересов граждан. Само материалистическое понимание содержания нормы права как отражения действительности, установленной в целях достижения общественных интересов, в реальной жизни разрешало охрану идеальных представлений об устройстве общества и государства.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила, что Россия есть демократическое, федеративное, правовое государство.

Обращение к идее правового государства было естественным в процессе проходящих в стране реформ.

Доктрина правового государства требует изменения всей правовой системы России, в которую должно органично войти процессуальное законодательство и формируемая система судопроизводства.

Происходит не просто смена концепций процессуального права, а изменение доктрины процессуального регулирования общественных отношений.

Отказ от принципа всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела судом в целях достижения истины, понимавшейся на отдельных этапах развития процессуального права как истины абсолютной, достижение которой относилось к такому пониманию критерия истины, как внутреннее убеждение судьи, поставил перед наукой права сложную теоретическую и практическую проблему, связанную с процессом доказывания в суде по уголовным и гражданским делам в условиях реальной состязательности, и проблему понимания достигаемого знания как истины абсолютной, объективной, относительной или юридической. Более того, изменение механизма правового регулирования в условиях приоритетного обеспечения свобод и прав личности невозможно без изменения механизма применения норм процессуального права, что требует фундаментального преобразования процесса. При этом такое преобразование может быть основано только на глубоком знании институтов и понятий доказательственного права в российском судопроизводстве. Доказывание и его проблемы будут актуальными, пока функционирует суд. От результатов доказывания в суде прямо зависят выводы по принимаемому судом решению и эффективность деятельности судебной системы. При этом именно исследование развития доказательственного права в разных условиях социально-экономического развития страны, когда результат использования методов регулирования судопроизводства известен по результатам деятельности суда, позволяет сделать выводы о реальной эффективности доказательственного права.

«Регулирование доказательств в трех процессуальных отраслях права (гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном, уголовно-процессуальном), а также в институтах и нормах материального права ставит вопрос о сходствах, отличиях и их причинах.

В итоге это вопрос о месте доказательственного права в системе права в целом»¹.

Без знания закономерностей процессуальной деятельности в сфере доказывания, условий правового регулирования этой деятельности и условий деятельности участников процесса едва ли возможно достижение целей судебной реформы на практике.

Провозглашение в концепции судебной реформы 1991 г. важности для общественной жизни независимого суда, свободного от корыстных интересов и политических симпатий, выступающего гарантом законности и справедливости, играющего для государства такую же роль, как совесть у человека, еще не свидетельствует о появлении именно такого суда и судей, способных осуществлять правосудие с учетом требований, предъявляемых к ним обществом, которое само еще только пытается стать гражданским и демократичным.

¹ Рецетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском процессе. М., 2000. С. 1.

В этих условиях роль судьи, и прежде всего судьи профессионального, в сфере деятельности суда общей юрисдикции становится исключительно значимой, поскольку в условиях разделения властей на три ветви судья становится носителем судебной власти, непосредственно выполняющим государственные функции.

Проблемы доказательств и вопросы оценки доказательств активно разрабатывались и разрабатываются в науке права. Обширная литература посвящена теоретическим и практическим вопросам оценки доказательств. Однако вопросы, связанные с субъективной деятельностью судьи в процессе, формирующей его внутреннее убеждение, понятие внутреннего убеждения и вопросы правовых связей внутреннего убеждения с деятельностью участников процесса по доказыванию обстоятельств дела и оценке доказательств остаются дискуссионными. Дискуссии вызывают как система принципов процесса, так и принцип независимости судей, принцип оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи и понимание сущности оценки доказательств.

Указанные обстоятельства определили актуальность исследования содержания философско-правового понятия внутреннего убеждения судьи в процессе судопроизводства.

Автор предпринял исследование проблем, связанных с понятием «внутреннее убеждение судьи» и формированием внутреннего убеждения судьи профессионального, занимающего ключевое положение в судопроизводстве. При этом принимается во внимание, что положения Конституции Российской Федерации о самостоятельности судебной власти и осуществлении правосудия только судом придают особую значимость деятельности судьи при рассмотрении дела, завершающей для всех стадий досудебного процесса движения уголовного дела и судебного разбирательства по делу гражданскому. Каждое из собранных обвинением и защитой доказательств в уголовном процессе будет проверено судом на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в условиях состязательного процесса, оценено на основании внутреннего убеждения судьи, опирающегося на собранные по делу доказательства.

В соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Поэтому разработка теоретических и методических рекомендаций, которые позволят выявить сущность внутреннего убеждения судьи, сформулировать его определение и установить пределы содержания исследуемого понятия, позволит повысить эффективность применения норм процессуального права.

Достижение поставленных целей невозможно без изучения связей исследуемого понятия с понятиями и институтами процесса, которые становятся проблемными для формирования убеждения судьи. Оценка доказательств по внутреннему убеждению производится всеми участниками процесса. Сущность и содержание внутреннего убеждения не могут не являться единым понятием для всех участников процесса.

С учетом целей исследования автором были поставлены следующие задачи:

- теоретически осмыслить сущность внутреннего убеждения судьи прежде всего с позиции правового содержания этого понятия.
- дать определение понятия «внутреннее убеждение», что позволит теоретически разработать вопросы соотношения понятия «внутреннее убеждение» и производимой на его основе оценки доказательств.
- определить место понятия «внутреннее убеждение» в механизме процессуального правоприменения.

- проанализировать принципы судопроизводства и определить связь принципа независимости судьи в процессе с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.
- рассмотреть этические вопросы формирования убеждения судьи и связь убеждения судьи с правосознанием.

Предметом исследования явились закономерности процессуальной деятельности судьи суда общей юрисдикции в рамках механизма применения процессуального права, правовой системы и правового положения судьи в соответствии с законодательством о статусе судьи.

Объектом исследования явились законодательство и практика судопроизводства в период со времени введения в судебный процесс принципа свободной оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи. При этом в целях раскрытия содержания понятия автор использовал в качестве эмпирического материала теоретические и практические работы в области теории доказательственного права и теории доказательств. При этом учитывалось, что результаты исследования, достигнутые в разные годы авторами, имевшими различный подход к содержанию исследуемого понятия и разрешению проблем доказательственного права и доказывания в процессе, позволят выделить признаки понятия «внутреннее убеждение судьи», соответствующие его реальному содержанию.

Поскольку в работе исследуются методологические и теоретические основы деятельности судьи в процессе осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам, то в целях обеспечения полноты и достоверности автор исходит из диалектического подхода к исследуемым понятиям и явлениям с современной интерпретацией теоретико-познавательного процесса. Используются элементы сравнительно-исторического, сравнительно-правового и формальнологического методов исследования.

Теоретической базой исследования явились труды:

С. С. Алексеева, Н. Г. Александрова, В. Д. Арсеньева, В. И. Баскова, М. И. Барщевского, В. К. Бабаева, А. Р. Белкина, В. П. Божьева, А. Д. Бойкова, В. Ф. Бохан, В. В. Вандышева, А. М. Васильева, С. И. Викторского, Л. Е. Владимирова, А. Я. Вышинского, В. Гессен, Ю. И. Гревцова, Н. А. Громова, М. М. Гродзинского, Ю. М. Грошевого, К. Ф. Гуценко, А. А. Давлетова, В. Г. Даева, В. С. Джатиева, Джаншиева, Т. Н. Добровольской, В. Я. Дорохова, А. П. Дудина, А. В. Дулова, В. В. Ершова, З. З. Зинатуллина, О. С. Иоффе, В. П. Казимирчук, Л. М. Карнозовой, М. П. Карева, Н. М. Кипнис, Н. П. Кирилловой, Л. Д. Кокорева, А. С. Кобликова, Н. М. Коркунова, Ю. В. Корневского, Г. П. Корнева, Н. М. Кропачева, Н. Н. Крыленко, С. В. Курылева, В. А. Лазаревой, А. М. Ларина, П. А. Lupинской, В. О. Лучина, В. З. Лукашевич, П. И. Люблинского, Е. Г. Мартынич, Е. Б. Мизулиной, И. И. Мухина, Я. О. Мотовиловкера, Лайоша Надя, В. Р. Навасардян, В. П. Нажимова, Ю. К. Орлова, И. Л. Петрухина, И. Д. Перлова, С. В. Познышева, Н. Н. Полянского, Н. В. Радутной, В. Д. Рахунова, И. В. Решетниковой, Г. М. Резник, В. И. Розина, В. А. Рязановского, В. М. Савицкого, В. А. Случевского, В. А. Спасовича, М. С. Строговича, П. С. Стучки, Ю. Г. Ткаченко, М. К. Треушникова, А. И. Трусова, В. Т. Томина, Ф. Н. Фаткулина, И. Е. Фарбера, Г. С. Фельдштейна, И. Я. Фойницкого, Л. С. Халдеева, Юджина Хаске, А. М. Чельцова-Бебутова, Н. А. Чечиной, М. П. Шаламова, М. Л. Шифман, С. Д. Шестаковой, П. С. Элькинд, Р. Х. Якупова и других ученых, а также научные работы по философии права, методологии права, истории уголовного процесса.

Автор исходит из концепции, что понятие внутреннего убеждения судьи сформировалось в процессе деятельности судьи в сфере правосудия по познанию обстоятельств разрешаемого судом дела и является необходимым условием разрешения дела в соответствии с материальным и процессуальным законом. Научное исследование понятия и его восприятие обыденным сознанием человека на уровне здравого смысла не меняют содержания понятия, являющегося необходимым условием правового мышления и правового сознания участников судопроизводства. Н. М. Коркунов писал: «Из всех отраслей науки именно в правоведении с особенной силой чувствуется потребность в обобщающей системе. Дело в том, что мы вовсе

не можем наблюдать право в его целом. Небесный свод с его звездами или тело животного мы прежде всего воспринимаем как одно целое, и только научный анализ научает нас видеть в них сложный агрегат множества отдельных элементов. Не так в праве. Тут непосредственному наблюдению доступны лишь отдельные законы да отдельные юридические сделки, и только с помощью научного синтеза мы соединяем эти отдельные элементы в целостное представление юридического порядка, права, как особого фактора общественной жизни»².

Процедура разрешения спора различна у разных народов, и она находится в постоянном движении, поскольку изменение общественных отношений заставляет менять процессуальные нормы. Однако законодатель не успевает за происходящими изменениями. Такие изменения в деятельности по применению материального и процессуального права вызываются или стремительным развитием общественных отношений, или чрезвычайными условиями, требующими временного изменения судебной практики.

Эффективным средством для таких изменений и преодоления возникшей неопределенности правового регулирования и являются такие понятия, как внутреннее убеждение судьи и его усмотрение. При этом в теории права выделяется и усмотрение факта, и усмотрение в сфере толкования закона и аналогии права.

Появление в России работы Аарона Барака «Судейское усмотрение» вызвало опасения в отношении проблемы наличия судебного усмотрения как при применении аналогии права (закона), так и при толковании норм. «Нельзя также не обратить внимания и на “обусловленный как правом, так и жизнью” тезис о необходимости учитывать в случаях, требующих усмотрения, политические факторы. Рецепция этих и некоторых других идей не только не будет способствовать реальному обеспечению принципа независимости суда, но и, что не менее опасно, создаст в судейской среде иллюзию наличия легального судейского правотворчества»³.

Такой подход представляется вполне обоснованным, если деятельность судьи в процессе длительное время рассматривать с точки зрения чисто материалистического понимания. Судья при таком подходе – только участник деятельности по применению права в сфере публичных отношений, работник суда, но не субъект уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных правоотношений.

Изменение статуса судьи в судебной системе Российской Федерации позволяет рассматривать его процессуальное положение с точки зрения выполнения им непосредственно государственных функций, и, исследуя понятие внутреннего убеждения судьи, автор полагает, что правовая сторона субъективной деятельности судьи может быть раскрыта наиболее полно при применении теории правоотношения. Эта теория позволяет в условиях динамики правовых и общественных отношений, в том числе политических, установить реальное положение судьи в отношении дела, разрешаемого судом. Реальная оценка судьей своего положения как представителя судебной власти и носителя правосудия даст ему ключ как к познанию фактических обстоятельств дела в пределах собранных и представленных доказательств, так и в подходах к выбору и особенностям применения процессуального и материального закона, регулированию коллизионных правоотношений, возникших по делу.

Более того, единое правопонимание как судьями, так и гражданами Российской Федерации статусного и процессуального положения судьи благотворно скажется на правосознании и повысит эффективность правосудия. По глубокому убеждению автора, без такого подхода цели реализации конституционных правоотношений в сфере правосудия и цели судебной и правовой реформы не будут достигнуты длительное время. Выделение нравственных начал в судебной деятельности без создания системы «сдержек и противовесов» нарушениям материального и процессуального права со стороны как участников процесса судопроизводства, так

² Коржунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 23.

³ Абушченко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 2.

и представителей всех ветвей власти приводит к искажениям в деятельности суда и правовой системы России в целом в условиях разделения права на публичное и частное, когда должен быть достигнут динамический баланс между публичными и частными интересами.

Предлагаемое читателю исследование во многом содержит спорные положения, требующие последующей разработки. Отдельные проблемы обозначены в форме тезисов и носят дискуссионный характер, и если такая дискуссия состоится, то цель настоящей работы автор будет считать выполненной.

Учитывая характер работы, автор исходил из концепции, согласно которой категория субъективного в деятельности судьи рассматривается с точки зрения объективации в принимаемых судьей постановлениях по делу, учете субъективного фактора властью законодательной при принятии и изменении норм процессуального права, учете субъективного фактора в разработке теорий уголовного и гражданского процессов.

Глава 1

Понятие внутреннего убеждения судьи в современном процессуальном праве

1.1. История возникновения и развития понятия «внутреннее убеждение судьи»

Рассмотрение проблем, связанных с формированием убеждения суда в судопроизводстве, прежде всего требует исследования сущности понятия внутреннего убеждения судей, возникающего и формирующегося в процессе рассмотрения конкретных дел и имеющего правовое значение при принятии решения по делу. Кроме того, следует помнить, что понятие «внутреннее убеждение судьи» содержится в норме, регулирующей оценку доказательств судом, а сама оценка доказательств судом по внутреннему убеждению связана как с принципом свободной оценки доказательств, так и с принципом независимости судей.

Если обратиться к истории, то можно обнаружить, что «история уголовного процесса начинается господством в нем частного начала и полным совпадением его с процессом гражданским; усмотрение сторон и формализм разбирательства – его характерные черты. Мало-помалу выясняется и постепенно развивается публичное начало уголовного процесса; он становится делом общественным, государственным, и идея государственности вследствие реакции прежнему строю не только проникает в процесс более и более, но и поглощает все другие: права личности отрицаются в обвиняемом, который становится предметом исследования, подлежащим экспериментам самым суровым во имя государственного интереса (пытка, подследственное задержание, тайна процесса); отрицаются эти права в обвинителе, которого заменяет безличная воля закона, наперед стремящаяся определить движение процесса; отрицаются и в судьях, которые связываются формальной теорией доказательств, этой безличной логикой законодателя; понятие сторон изгоняется из процесса; последний перестает быть живым судебным спором их и превращается в безличное исследование, движущееся волей одного закона; понятие обвинения заменяют поводы возбуждения уголовных дел, обжалование уступает место ревизионному порядку, все участвующие в процессе лица обязываются по долгу службы стремиться к раскрытию материальной истины, достижение которой объявляется государственным интересом».⁴

Поскольку уголовный процесс является урегулированной законом деятельностью органов государственной власти по возбуждению, расследованию уголовных дел и отправлению правосудия, то и исторически он возник на этапе, когда государство в лице своих органов и должностных лиц начало осуществлять борьбу с преступностью. Уголовный процесс – отрасль права, имеющая свой специфический предмет, метод и объект регулирования.

Возникновение уголовного процесса как формы деятельности государства по борьбе с преступностью связано как с появлением государства, так и с зарождением и развитием права как сложного регулятора социальных отношений в обществе.

Возникновение права и государства вызвало необходимость в их изучении. Такая необходимость повлекла возникновение науки о праве, а наука требует создания учебных дисциплин по познанию накопленных научных знаний.

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 17.

«Термин уголовный процесс понимается в четырех значениях. Первое значение связано с пониманием уголовного процесса как особого вида государственной деятельности. Второе значение обусловлено тем, что уголовно-процессуальная деятельность, будучи урегулированной правом, имеет в качестве своей правовой основы уголовно-процессуальное право как отрасль российского права в виде совокупности правовых норм, регулирующих указанную деятельность. Третье значение термина – наука уголовного процесса как одна из отраслей юридической науки, представляющая собой систему понятий, представлений, взглядов и идей, раскрывающих сущность уголовного процесса, закономерности его возникновения и развития. В отличие от науки, которая имеет дело с еще непознанными явлениями и процессами, учебная работа студента представляет собой “познание уже познанного”, овладение уже сформированными научными знаниями... в этой связи необходимо различать уголовный процесс как учебную дисциплину».⁵

«Особо следует отметить взаимосвязь науки гражданского процессуального права с наукой уголовно-процессуального права. Взаимосвязь обусловлена прежде всего тем, что данные науки исследуют разные стороны одного и того же явления... правосудия. Теоретические разработки вопросов о суде как субъекте процессуального права, процессуальных правоотношениях, понятии судебных доказательств и судебного доказывания, порядке судебного разбирательства дел и вынесении судебных постановлений, их законности и обоснованности, обжалования во многом схожи. Это объясняется наличием общих принципов».⁶

Предметом гражданского процессуального права является группа обособленных общественных отношений. «В процессуальной доктрине существует два подхода к определению предмета гражданского процессуального права: узкий и широкий. Традиционным является узкое определение предмета гражданского процессуального права, в соответствии с которым предмет гражданского процессуального права образует такая совокупность (группа) общественных отношений, которая складывается с участием судов общей юрисдикции. Узость в трактовке предмета гражданского процессуального права проявляется в том, что гражданское процессуальное право рассматривается исключительно как общесудебное право, а гражданский процесс отождествляется с гражданским судопроизводством. Деятельность же таких юрисдикционных органов, как арбитражные и третейские суды, не включается в предмет гражданского процессуального права, потому что. находится за пределами гражданского процессуального регулирования».⁷

Автор настоящего исследования исходит из того, что предметом гражданского процессуального права является совокупность норм, регулирующих деятельность судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел.

Рассматривая вопрос об уголовном и гражданском процессах как отраслях права, уместно определить понятие права в его современном представлении.

С. С. Алексеев определяет право как сложное социальное явление, состоящее из трех частей. «Право имеет три образа, в которых оно выступает перед людьми, являясь нам в виде общеобязательных норм, законов, деятельности судебных и иных юридических учреждений – юридических реалий, с которыми сталкивается в своей практической жизни человек; особого сложного социального образования – своеобразного крупного подразделения, подсистемы в обществе, имеющей свою особую природу и логику, – такой же подсистемы, как, например, государство, искусство, мораль; явления мирозданческого порядка – одного из начал и проявлений жизни разумных существ, людей. Юридические реалии постигаются юридическими науками, преимущественно отраслевыми. Право как особо сложное социальное образование

⁵ Якутов Р.Х. Уголовный процесс. М., 1999. С. 4.

⁶ Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. 1. С. 17.

⁷ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 16.

– предмет теории права. Смысл и назначение права как мирозданческого явления изучается философией права».⁸

Ж.-Ж. Руссо писал о соотношении права и свободы: «Если кто-либо откажется подчиняться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным».⁹

Следует отметить крайность этой позиции с точки зрения взаимоотношения личности и общества.

Как писал Гегель в «Философии права», право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея. Человека можно как живое существо принудить, т. е. подчинить власти других его физическую и вообще внешнюю сторону, но свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может.¹⁰

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин определял право как возведенную в закон волю господствующего класса.¹¹

До 1917 г. право определялось как естественное и положительное. Основной целью права ставилась задача соответствия высшему нравственному закону добра. Ценностью в праве ставились естественные права человека, и всякое позитивное право, под которым понималось законодательство, могло претендовать на существование только в том случае, если соответствовало этой цели.¹²

Вместе с тем право рассматривалось как результат власти самодержавного царя. «Право, которое организует судебные места и регламентирует их деятельность, а равно право, которое они применяют, вытекает из того же верховного источника, как и все русское право, то есть из императорской власти»¹³. П. Е. Казанский, цитируя Градовского, обоснованно отмечает, что «отправление правосудия есть, несомненно, не что иное, как один из видов управления, то есть государственной деятельности, направленной на достижение поставленной себе государством цели. Судебное верховенство может принадлежать, конечно, лишь государю императору. Ему же принадлежит и судебная власть, если взять ее в ее широком понимании, в составе всех трех упомянутых выше частей. Судебное верховенство, или верховенство, что касается судебной деятельности, распадается, как сказано, на верховенство, что касается судебного правообразования, и на верховенство, что касается деятельности исполнительной: административной и судебной, то есть отправления правосудия»¹⁴.

Соответственно исследовалась воля самодержца, связывавшаяся с прямым осуществлением им правосудия. В середине XIX в. высказывалась позиция, согласно которой правосудие осуществляется по букве закона, выражая волю законодателя, т. е. судья находился как бы вне дела, и воля монарха, изложенная в законе, применяется в конкретном уголовном деле. «По отношению к судебным местам и лицам уголовно-судебная власть есть право на действия, к которым уполномочила их верховная уголовно-судебная Власть, для исследования преступления, приговора над ним и исполнения его», – писал в 1841 г. автор курса уголовного судопроизводства Я. И. Барщев.¹⁵ Такое понимание применения права вполне обоснованно, поскольку власть монарха требовала проведения именно его воли в правосудии, а отнюдь не воли судьи как правоприменителя.

⁸ Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 1999. С. 3.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161.

¹⁰ Философия права. М., 1989. С. 89, 141.

¹¹ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.

¹² Трубецкой Е. Энциклопедия права. СПб., 1998.

¹³ Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 86.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Барщев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к Российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 6.

Обратимся к исследованию А. С. Алексеева, который писал: «Судебное верховенство в собственном смысле по нашим законам обнимает следующие права: 1) право верховного надзора за отправлением правосудия, 2) суд совершается от имени Императора, 3) император назначает личный состав суда, 5) Государю принадлежит право утверждения некоторых приговоров, 6) Государю же принадлежит право разрешать или не разрешать предать суду лиц первых трех классов».¹⁶

Обратим внимание на указание об осуществлении правосудия от имени государя императора. В наше время правосудие осуществляется от имени государства, приговор и решение по делу постановляются судом именем Российской Федерации.

Мы отметили, что внутреннее убеждение судьи имеет место тогда, когда производится свободная оценка доказательств судом, когда такая оценка становится принципом осуществления правосудия. Свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению суда возникла не сразу, и первое определение такой оценки было дано после Французской революции при принятии Гражданского кодекса Франции 1793 г. В науке и практике уголовного процесса к вопросам оценки доказательств и понятию убеждения судьи, на основании которого производится оценка доказательств, ученые и практики обращались при исследовании норм доказательственного права, процесса доказывания и процессуальных норм, регулирующих деятельность суда по осуществлению правосудия по уголовным делам.

Для понимания сущности такого явления, как внутреннее убеждение судьи в уголовном процессе, на основе которого производится оценка доказательств, представляется необходимым рассмотреть историю развития уголовного процесса и науки уголовного процесса.

«Научная терминология оперирует “формами”, “типами”, “историческими формами”, “видами” и “моделями”, среди которых фигурируют “состязательные”, “розыскные”, “обвинительные”, “тяжебные”, “инквизиционные”, “следственные”, “смешанные”, “континентальные”, “англосаксонские”, “романо-германские”, “охранительные”, и “гражданские”».¹⁷

Особенностью советского периода развития процессуального права стали понятия типов процесса как рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического. Тип процесса рассматривается как предельный уровень обобщения, отражающий основную классовую сущность уголовного процесса.¹⁸

По мнению А. В. Смирнова, данная позиция, нашедшая поддержку среди советских процессуалистов, позволила заморозить вопросы о форме советского процесса и не была плодотворной в научном плане.

Такая критика представляется необоснованной, поскольку классификация, предложенная Нажимовым, дает возможность исследовать особенности институтов уголовного процесса в обществах с различным экономическим и общественным строем и соотнести уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальную деятельность с политическим режимом государства, установив цели уголовно-процессуального закона, что имеет существенное значение при разработке концепции гражданского общества.

Кроме того, необходимо учитывать, что «ключевая, основополагающая идея марксистско-ленинского подхода к праву в юридическом смысле выражена в положении о его классово-вой сущности, о том, что право воплощает волю экономически господствующего класса и в соответствии с этим является социально-классовым регулятором».¹⁹

Это указание является для нас существенным при определении в системе права, системе уголовно-процессуального и гражданского процессуального права и судоустройства Россий-

¹⁶ Цит. по: Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 91.

¹⁷ Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 3.

¹⁸ Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.

¹⁹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. С. 72.

ской Федерации такого понятия, как «внутреннее убеждение судьи», в процессе проводимой в стране судебной реформы, с учетом того, что указанная точка зрения была господствующей в теории права длительный период.

Мы отмечали, что советский период развития права не знал деления права на публичное и частное. «Советское гражданское процессуальное право – это совокупность и система юридических норм, выражающих волю народа, установленных Советским государством и охраняемых им от нарушений».²⁰

Соответственно гражданскому процессу отводилась роль реализации властных предписаний, и еще в соответствии с требованиями ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г. суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Частные интересы подчинялись публичным и не могли быть свободными.

Характер норм процессуального права определяется и особенностями применяемых в процессе норм материального права.

Обратимся к рекомендациям по применению норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., введенного в действие с 1 января 1923 г. «Прежде чем применить Гражданский кодекс к какому-либо спору, судья должен проникнуться теми общими и руководящими понятиями, которые выражены в постановлениях ВЦИКа о введении в действие Гражданского кодекса. Этот закон наиболее ярко отражает революционную сущность нашего гражданского права и обязывает суды не только на основании своего революционного правосознания, но уже по писаной норме стоять на страже завоеваний Октябрьской революции... Вот закон, дающий права буржуазии, закон этот я, судья, толкую ограничительно, и больше того, что написано – не существует и не охраняется, но если закон касается интересов государства и трудящихся масс, я могу распространить действие закона дальше, чем это изложено, не нарушая самой сущности закона»²¹. Отметим особенность правового регулирования ГК 1923 г., когда внутреннее убеждение судьи подменяется его усмотрением, получившим законодательное одобрение.

Рассматривая уголовный процесс, М. С. Строгович обоснованно видел в нем «два основных элемента: основанную на законе деятельность органов следствия, прокуратуры и суда и правоотношения этих органов как друг с другом, так и с лицами и организациями, на которых распространяется их деятельность».²²

Говоря о необходимости учитывать развитие уголовного процесса от его возникновения до современности, необходимо вспомнить, что процесс возник первоначально из гражданского иска и развился в процесс обвинительный, публичный.

Обвинительный процесс всегда является состязательным. «Состязательность можно юридически определить как такой идеальный тип процесса, в котором спор равных сторон разрешается независимым судом».²³

В состязательном процессе обвинение выдвигалось потерпевшим, суд оценивал доказательства, однако в их состав входили доказательства, отражающие, можно сказать, уровень культуры познания действительности. В состав доказательств входили поединок, испытание водой, огнем и т. п. как средства получения свыше воли Божьей. Важным являлось соблюдение процедуры, от которой зависела истинность приговора суда.

Инквизиционный, или розыскной, тип уголовного процесса установился после состязательного и отличался тем, что процесс начинался судьями и ему была присуща публичность.

²⁰ Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т.1. С. 43.

²¹ Ежедельник Советской юстиции. № 7–8. 1923. С. 145.

²² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 34.

²³ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 19.

Смешанный обвинительно-розыскной процесс начался после того, как изжили себя обе указанные формы процесса и соединение отдельных их частей привело к созданию нового процесса.

Создание обвинительно-розыскного процесса повлекло появление такой категории, как оценка доказательств на основе внутреннего убеждения, которая заняла место формальной теории доказательств по делу.

«Процессуальное право – это всегда право, устанавливающее определенную процедуру, которой подчиняется деятельность государственных органов и их взаимоотношения с лицами, гражданами, организациями; это право, определяющее процесс, т. е. движение, развитие (processus – движение вперед)».²⁴

И. Я. Фойницкий отмечал: «...не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки с решением его по непосредственному впечатлению. Первое предполагает знание дела путем изучения его по объективным данным, в самом деле заключающимся; второе ограничивается принятием того впечатления, которое дело или его отдельные моменты оставили в наших чувствах. Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних лишь чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом. С другой стороны, не следует смешивать решение дела по свободной оценке доказательств с решением по произвольному усмотрению. Отменяя формальную теорию доказательств, судебные уставы находили невозможным заменить личную умственную деятельность твердыми и неизменными правилами закона; широкое участие личности в логическом процессе оценки доказательств признано неперемennым условием правильной их оценки. Для того чтобы внутреннее убеждение не переходило в личный произвол, закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению».²⁵

«Начало свободной оценки доказательств, проникающее в современный уголовный процесс, – вопрос первостепенной важности. Применение этого принципа совершенно изменяет характер процесса, и при господстве его судья с его субъективным миром, с его субъективными настроениями является решающим фактором в деле отыскания материальной истины. Речь идет о свободе неполной, о свободе относительной, определяющейся факторами культурного развития общества, его правосознанием...»²⁶

Оценивая особенности осуществления правосудия судом присяжных, автор «Учебника уголовного процесса» 1915 г. отмечал: «Присяжные вместе со своим жизненным опытом приносят в суд не только свои познания, но и свои чувства и настроения. Эта черта представляется залогом энергии их работы, но в то же время может привести к решениям, неудовлетворяющим общество»²⁷.

В. К. Случевский в «Учебнике уголовного процесса» 1910 г. указывал на принцип внутреннего судейского убеждения как принцип процесса: «Начало внутреннего судейского убеждения. Современный процесс знает затем еще начало внутреннего судейского убеждения в деле оценки уголовных доказательств... Внутреннее убеждение вытекает из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность в отношении действительности и значения тех фактов, которые были подвергнуты исследованию средствами уголовного процесса. Уверенность, вытекающая только из субъективных ощущений судьи, имеет значение только

²⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 45.

²⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 189.

²⁶ Фельдштейн. Учебник уголовного процесса. М., 1915. С. 77.

²⁷ Там же. С. 115.

мнения или предубеждения судьи и не может быть положена в основание судебного приговора». ²⁸

Вместе с тем Джаншиев в своей работе 1891 г., анализируя дело Диманш, отмечал: «Когда по одному и тому же делу и на основании одной и той же теории улики, а не на личном убеждении судей, в трех разных судах один и тот же преступник оставлен в подозрении, потом обвинен и, наконец, оправдан». ²⁹ В приведенных доводах авторов, вытекающих из анализа практики, подчеркивается особенность содержания внутреннего убеждения судьи, анализируя которое на примере практики деятельности суда присяжных А. М. Бобрищев-Пушкин указывал: «...присяжные обыкновенно стараются воспроизвести мысленно полную картинку события и своим ответом на вопрос – установить состав данного преступления так, как они это преступление понимают, следовательно, решить вопрос не только факта, но и права». ³⁰

Поскольку уголовный процесс имеет яркую публичную направленность, в построении его формы отражается политическая сущность общества и прежде всего политический режим государства, главенствующий в обществе в интересах большинства населения или только малой части населения и подчиняющий все общество целям государства. Если же цели государства требуют подчинения общества только публичным интересам, то государство даже при провозглашении защиты прав и свобод гражданина превращается в тип государства с чрезвычайно жестким политическим режимом. К. С. Бельский обоснованно отмечает, что после октября 1917 г. возникла конструкция государственной власти, которой была присуща диктатура единовластия и полновластия. ³¹

Для исследователя представляется исключительно важным изучение права, норм права и правоприменительной деятельности в период, когда происходят глубокие социальные изменения в обществе, когда в естественных условиях общества, по существу, проводится эксперимент по введению законодательства, отражающего не только изменения в обществе, но и законодательства, требования которого изменяют общество. При этом законодательство теряет свою стабильность, и возникает, как отмечают ученые, конфликт: «... история еще раз продемонстрировала, что коренные изменения государственного устройства, формы правления, политического режима не могут происходить в строгом соответствии с законом». ³²

Авторы видят выход из сложившегося положения в том, что «форсированное развитие административного, процессуального и других аналогичных отраслей законодательства надо сочетать с интенсивным насыщением процессуальными нормами других законов и сближением их с материальными нормами». ³³

Выстраивая после революции теорию нового права, которое должно было противостоять теории права буржуазного, в котором признавалось право частной собственности, государство столкнулось с проблемой переходного периода в правосудии. Как писал П. С. Стучка, «вместо революционного свода законов мы ему (судье. – В. Т.) могли дать в руки лишь пустой лозунг революционного правосознания. В теории признавалось, что социалистического правосознания не было, и тогда пришлось дать распоряжение о пользовании декретами советской власти». ³⁴

Оценивая сегодня происходившие в судопроизводстве изменения, М. В. Немытина пишет: «Наследие было предано забвению.

²⁸ Случевский В. К. Учебник уголовного процесса. СПб., 1910. С. 75, 396.

²⁹ Джаншиев. Основы судебной реформы. М., 1891. С. 286.

³⁰ Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896. С. 379.

³¹ Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990.

³² Савицкий В. М. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1997. С. 152.

³³ Тихомиров Ю. А. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1997. С. 107.

³⁴ Стучка П. С. Классовое государство и гражданское право. М., 1924. С. 10.

В новых условиях отрицалась концепция самостоятельной и независимой судебной власти, которую приняла дореволюционная наука»³⁵.

Последующее формирование советской правовой системы, советского уголовно-процессуального права и науки уголовно-процессуального права подтвердило то обстоятельство, что научная мысль и практика правоприменения могут быть ограничены волей государства, но развитие их не может быть остановлено. Та критика, которой подвергается советское уголовно-процессуальное право, ставшее частью советской системы права и отражавшее развитие общества в сфере уголовного судопроизводства, т. е. в области поиска истины в уголовном процессе в целях подавления объявленных преступными действий и охраны существующих общественных отношений, вызвана не особенностями теоретического построения модели советского уголовного процесса, а критикой политического устройства государства, которому всегда верно служит такой институт публичного права, как уголовный процесс.

Поэтому исследование теоретических и практических основ построения советского уголовного процесса как отрасли права имеет существенное значение при выяснении сущности и содержания внутреннего убеждения судьи. Вместе с тем обращение только к одной отрасли процессуального законодательства ограничит возможности раскрытия содержания понятия внутреннего убеждения, которое должно быть рассмотрено с учетом межотраслевого характера теории доказательств в судебном процессе.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. в ст. 57 установил: суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или востребовать их от третьих лиц. Статья 319 УПК РСФСР 1964 г. закрепила принцип оценки доказательств: суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Эти положения УПК полностью отвергают всякую формальность в исследовании и оценке доказательств.

В своей статье, опубликованной в «Советской юстиции» за 1936 г., М. С. Строгович писал: «По вопросу о роли внутреннего убеждения судей при оценке доказательств можно сформулировать таким образом две противоположные точки зрения.

1. Внутреннее убеждение судей есть критерий (мерило) оценки доказательств; следовательно, при оценке доказательств значение имеет не качество самого доказательства, но единственно и только – сила убеждения этим доказательством, вызываемого у судей; правильно, достоверно то доказательство, которое убеждает суд.

Такова краткая формула классической теории внутреннего судейского убеждения, данная в буржуазных уголовно-процессуальных кодексах и в большинстве буржуазных трудов по теории уголовного процесса.

2. Внутреннее убеждение судей есть не критерий, а результат оценки доказательств; следовательно, решающее значение при оценке доказательств имеет качество самого доказательства, а именно это качество доказательства определяет степень его убедительности для судей. Эту вторую точку зрения я и считаю правильно выражающей существо нашей советской теории доказательств в уголовном процессе».³⁶

В своем курсе уголовного процесса М. С. Строгович дал определение внутреннего судейского убеждения: «... внутреннее судейское убеждение – это основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела, о доказанности или недоказанности фактической стороны дела, о виновности или невиновности

³⁵ Немытина М. В. Суд в России. Саратов, 1999. С. 18.

³⁶ Строгович М. С. Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 22. С. 5.

обвиняемого и степени его ответственности... Таким образом, судьи имеют социалистическое правосознание в сложившемся виде еще до рассмотрения отдельного уголовного дела; внутреннее же убеждение складывается у судей лишь в результате рассмотрения этого дела, по поводу обстоятельств этого конкретного дела...»³⁷

А. С. Голунский в статье «Проверка и оценка доказательств», опубликованной в 1936 г., писал: «Вопрос об оценке доказательств вызывает в настоящее время большие споры среди советских процессуалистов. По мнению некоторых процессуалистов, специфическое отличие оценки доказательств в советском процессе от оценки доказательств в процессе буржуазном заключается в том, что там оценка производится по субъективному внутреннему убеждению суда, по тому впечатлению, которое эти доказательства производят на судей, тогда как в советском процессе эта оценка должна быть объективной».³⁸

Подводя итог дискуссии, А. Я. Вышинский в статье «Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе», критикуя точку зрения проф. Гродзинского, предлагавшего отказаться от понятия «внутреннее убеждение судьи», заменив его анализом доказательств на основе социалистического правосознания, а также позиции М. С. Строговича и С. А. Голунского, полагал: «...совершенно неправильно, будто задачей приговора является установление абсолютной истины. Условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос с точки зрения установления максимальной вероятности фактов, подлежащих судебной оценке. Можно ли утверждать, что судья не может познать подлинной истины, что для суда это совершенно недостижимая задача? Это ошибочная постановка вопроса. Когда вам говорят, вы должны обеспечить правильное судебное решение, независимо от того, как сложится у вас в глубине вашей совести, в вашем сознании представление о явлении, которое прошло перед вашими судейскими глазами; вы должны это решить независимо от вашего убеждения, а в зависимости от того, какими конкретными особенностями будут обладать факты, с которыми вы как судья будете иметь дело и распознавание которых вовсе не должно явиться результатом вашего “внутреннего убеждения”... Было бы бессмысленным утверждать, что качество доказательства зависит от моего признания этого доказательства хорошим или плохим»³⁹.

М. С. Строгович в своей работе, посвященной состязательности в уголовном процессе, писал: «Свободное внутреннее судейское убеждение есть не только критерий оценки доказательств, но в первую очередь процессуальная гарантия конституционного принципа независимости судей и их подчинения только закону». Там же автор отмечал, что независимо от применяемых методов уголовно-процессуальной деятельности суда природа суда, его сущность как органа государства, служащего интересам класса, не меняется. Эта точка зрения подчеркивает инструментальный, технический характер процессуальной деятельности в применении уголовного права и уголовно-процессуальных правоотношений в движении уголовных правоотношений.⁴⁰

Для понимания места и роли внутреннего убеждения в этот период обратимся к основной проблеме дискуссии. Первое предложение заключалось в устранении из процессуального законодательства понятия «внутреннее убеждение судьи». Вторая точка зрения касалась места внутреннего убеждения в процессе оценки доказательств: внутреннее убеждение как критерий оценки доказательств и внутреннее убеждение – результат оценки доказательств. Анализ позиций приводит к выводу о том, что устранение понятия внутреннего убеждения и понимание внутреннего убеждения как результата оценки доказательств позволяли в этот период разви-

³⁷ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 334.

³⁸ Голунский С. А. Проверка и оценка доказательств // Советская юстиция. № 15. С. 7.

³⁹ Вышинский А. Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 23. С. 5.

⁴⁰ Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 36.

тия уголовно-процессуального права снизить уровень субъективизма в оценке доказательств по конкретным уголовным делам.

Принятая и проведенная А. Я. Вышинским точка зрения, согласно которой внутреннее убеждение является критерием оценки доказательств, с учетом особенностей фактов, исследуемых в уголовном процессе, позволили повысить уровень репрессивности при применении норм уголовно-процессуального и уголовного материального законов.

Исследуя проблему оценки доказательств судом первой инстанции в 50-е годы XX в., Л. Т. Ульянова заключала, что требование эффективной уголовной репрессии, предъявляемое к следственным и судебным органам и состоящее в том, чтобы ни один из действительных преступников не остался безнаказанным и ни один невиновный не пострадал от судебной ошибки, связано непосредственно с улучшением работы по исследованию доказательств по тому или иному судебному делу. Определяя понятие внутреннего убеждения судьи, автор писала, что оно «выражает социалистическое правосознание применительно к конкретным обстоятельствам дела. Оно предполагает уверенность в необходимости неуклонно соблюдать предписания советского закона, выражающего волю трудящихся. Таким образом, внутреннее убеждение судей основывается в равной степени и на требованиях закона, и на достоверно установленных судьями фактах, служит методом обнаружения связи нормы права с конкретными фактами жизни... Убеждение отдельных судей, сложившееся в ходе предварительной оценки доказательств на судебном следствии, не является окончательным. Для того чтобы у суда как коллегиального органа сложилось общее убеждение, необходимо произвести оценку всей совокупности доказательств в совещательной комнате, где у судей вырабатывается общая точка зрения на обстоятельства уголовного дела...».⁴¹

Обратим внимание на то, что социалистическое правосознание поставлено на первое место в определении сущности внутреннего убеждения судей, которое реально должно основываться на доказательствах, исследованных в судебном заседании, на что указывают нормы как УПК 1923 г., так и УПК 1964 г.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 сентября 1923 г., в ст. 119 установил, что «допущение тех или иных доказательств, представленных сторонами, зависит от того, найдет ли их суд существенными для дела». Но в Кодексе не использовано понятие социалистического правосознания, хотя суд и получил широкое поле для своего усмотрения, а в соответствии с требованиями ст. 118 ГПК РСФСР 1923 г. доказательства могли быть собираемы по инициативе суда.

Статья 56 ГПК РСФСР 1964 г., регулируя оценку доказательств, закрепляла следующее: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием».

Только ст. 17 УПК РФ 2001 г. о свободе оценки доказательств указывает: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

Исследуя вопросы оценки доказательств, Г. М. Резник отметил, что оценка доказательств по внутреннему убеждению является антиподом существовавшей ранее системы формальных доказательств. «Смысл выражения “оценка по внутреннему убеждению” состоит в производстве оценки при отсутствии предустановленных правовых критериев. Не случайно закон употребляет термин “внутреннее убеждение” применительно к оценке доказательств, но не содержит выражения “квалификация преступления по внутреннему убеждению”... Внутрен-

⁴¹ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1956. С. 79, 84.

нее убеждение как понятие, характеризующее подход к определению свойств доказательств, как способ их оценки. Внутреннее убеждение является также результатом оценки доказательств. Этот аспект внутреннего убеждения, по нашему мнению, следует рассматривать в двух направлениях. Во-первых, применительно к доказательствам, во-вторых, применительно к выводам о доказанности (недоказанности) искомых фактов».⁴²

Исследуя проблему формирования убеждения суда, В. Ф. Бохан утверждает, что «убеждение – многогранное понятие, которое можно исследовать с нескольких сторон. Оно имеет гносеологическую, логическую, нравственную, психологическую и юридическую природу... Юридическая природа формирования убеждения суда определяется условиями судебной деятельности».⁴³

Автор выделяет личное и коллективное убеждение и отмечает, что «устраняя всякое внешнее воздействие на сознание судей, предоставляя им свободу в принятии законных решений, институт независимости тем самым создает все возможности для деятельности судей, основанной на их личном убеждении».⁴⁴

Представляется необходимым отметить работу Ю. М. Грошевого, который рассматривает внутреннее убеждение как «катеорию правосознания, выражающего уверенность судьи в правильности правовых предписаний».⁴⁵

Ю. М. Грошевой отмечает, что «каждый из компонентов судейского убеждения, образуя вместе с другими определенное единство и цельность убеждения, вместе с тем играет свою специфическую роль в его формировании (имеет свою специфическую функцию), по-своему, по-особенному входит в судейское убеждение, то есть отвечает преимущественно не за все, а за определенные черты, свойства целого, взаимодействуя при этом в непосредственной или опосредованной связи с другими элементами».⁴⁶

А. Р. Ратинов полагает, что проблема внутреннего убеждения при оценке доказательств является предметом дискуссий. «Внутреннее убеждение рассматривается то как метод, способ или принцип оценки доказательств, то как критерий этой оценки, то как ее результат, некоторые авторы рассматривают внутреннее убеждение как единство всех или некоторых аспектов. По-разному определяется и сама природа внутреннего убеждения: то в гносеологическом или в логическом, то в психологическом смысле». Ученый понимает внутреннее убеждение как «формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств. Указанное требование обеспечивается, в частности, путем реализации принципа непосредственности уголовного процесса. Выше отмечалось, что предоставление оценки доказательств лицу, осуществляющему производство по делу, означает его свободу, самостоятельность, независимость при оценке доказательств. Это подчеркивается рядом положений действующего законодательства. Внутреннее убеждение исключает всякое внешнее принуждение, и это свойство убеждения оттеняется словом “внутреннее”.

Оно предполагает:

а) необязательность оценки доказательства, данной одним должностным лицом для другого;

б) необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанции для последующей и необходимость проверки предыдущих оценок на последующей стадии процесса;

⁴² Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1976. С. 19.

⁴³ Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 54.

⁴⁵ Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 7.

в) необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящего, в производстве которого находится дело, и недопустимость дачи указаний об определенной оценке отдельных доказательств или их совокупности;

г) необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях и т. п.;

д) необязательность оценок, даваемых доказательствам, лицами и органами вне уголовного процесса»⁴⁷.

Можно констатировать, что внутреннее убеждение как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины является необходимым условием оценки доказательств, характеризует сам подход к оценке доказательств. «Внутреннее убеждение в качестве завершающего итога оценки доказательств имеет гносеологический, логический и психологический аспекты. С точки зрения гносеологического содержания внутреннего убеждения является отражение сознанием предмета исследования – конкретных фактов действительности, из которых и на основе которых складывается картина исследуемого события. Иначе говоря, это конкретные знания о фактических обстоятельствах данного дела»⁴⁸.

В. Д. Арсеньев отмечает связь между внутренним убеждением как процессом познания и внутренним убеждением как результатом оценки доказательств по делу, что само внутреннее убеждение делает истинным.⁴⁹

«Внутреннее судебное убеждение должно быть закономерным выводом из совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, должно выражать объективную истину. Внутреннее убеждение – не какое-то безотчетное мнение или впечатление судей, а основанный на доказательствах вывод суда об обстоятельствах дела, правильность которого может быть проверена вышестоящими инстанциями»⁵⁰.

Рассматривая изменения ст. 56 ГПК РСФСР об оценке доказательств, внесенные Федеральным законом Российской Федерации от 27 октября 1995 г., М. К. Треушников обоснованно пишет: «Принцип непредустановленности доказательств (или свободной оценки доказательств) противоположен принципу формальной оценки доказательств, когда доказательственная сила отдельных средств доказывания определяется не судьями, а самим законом, и судьи не вправе дать доказательствам иную оценку или отвергнуть их. Например, в эпоху действия системы формальных (легальных) доказательств признание рассматривалось как лучшее доказательство, и суд не вправе был его переоценить или отвергнуть. Норма об оценке доказательств (ст. 56 ГПК РСФСР) и ее принципах существенно изменена Федеральным законом от 27 октября 1995 года. В ней сохранены только два принципа оценки доказательств: принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению и принцип непредустановленности доказательств... Статья 56 ГПК РСФСР в новой редакции не содержит норм, указывающих, что суд оценивает доказательства, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Эти два положения оценки доказательств исключены законодателем по концептуальным и идеологическим соображениям. Изъятие из ст. 56 ГПК РСФСР указанных понятий объясняется победой точки зрения, что оценка доказательств – это протекающая в логических формах мыслительная деятельность судей, не регулируемая нормами права. Правосознание же судей может быть различным, зависящим от уровня подготовки судей, отношения к делу и т. д...».⁵¹ Вместе с тем автор указанного труда полагает, что согласиться с принятой точкой зрения трудно, поскольку суд оценивает доказательства с учетом требований нормы права.

⁴⁷ Ратинов А. Р. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 474–475.

⁴⁸ Там же. С. 478.

⁴⁹ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.

⁵⁰ Гуреев П. П. Комментарий к ГПК РСФСР М., 1976. С. 107.

⁵¹ Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 171.

Однако представляется необходимым отметить, что вопросы распространения на внутреннее убеждение нормы права ограничивают его свободу и, следовательно, искажают достоверность обстоятельств дела, устанавливаемых судом. Уместно заметить, что мы имеем дело со смещением внутреннего убеждения в сторону усмотрения, что вполне возможно в динамике движения процессуальных правоотношений, субъектом которых является судья.

И. В. Верещагина, выделяя проблему формирования внутреннего убеждения профессионального судьи, указывает: «... норма Уголовно-процессуального кодекса говорит о внутреннем убеждении, но с научной точки зрения убеждение судьи-профессионала должно быть не только внутренним, оно должно быть рациональным (разумным) и мотивированным (обоснованным). Определение внутреннее следует рассматривать как фактор, исключающий внешнее воздействие, свободную оценку доказательств».⁵²

⁵² Верещагина И. В. Современные проблемы правоприменения. Хабаровск, 1998. С. 164.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.